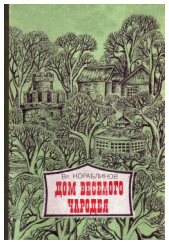
В. КОРАБЛИНОВ
ДОМ ВЕСЕЛОГО ЧАРОДЕЯ

Владимир Александрович Кораблинов
Столбищенский гений

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274132
Кораблинов В.А. Дом веселого чародея (повести и рассказы): Центрально-Черноземное книжное издательство; Воронеж; 1978

Аннотация

«… Со стародавних времен прижился у нас такой неписаный закон, что гениям все дозволено. Это, мол, личности исключительные, у них и психика особенная, и в силу этой «особенной» психики им и надлежит прощать то, что другим ни в коем случае не прощается.

Когда иной раз заспорят на эту тему, то защитники неприкосновенности гениев обязательно приводят в пример анекдоты из жизни разных знаменитых людей. Очень любопытно, что большая часть подобных анекдотов связана с пьяными похождениями знаменитостей или какими-нибудь эксцентричными поступками, зачастую граничащими с обыкновенным хулиганством.

И вот мне вспоминается одна простенькая история, в которой, правда, нет гениев в общепринятом смысле, а все обыкновенные люди. Но как в капле воды отражается солнце и небо с облаками, так и в истории этой отразилась вся несостоятельность придуманной теории неприкосновенности и неподсудности отмеченных гениальностью людей. …»

Содержание

Владимир Александрович Кораблинов 4
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Владимир Александрович Кораблинов
Столбищенский гений

Василию Пескову

Со стародавних времен прижился у нас такой неписаный закон, что гениям все дозволено. Это, мол, личности исключительные, у них и психика особенная, и в силу этой «особенной» психики им и надлежит прощать то, что другим ни в коем случае не прощается.

Когда иной раз заспорят на эту тему, то защитники неприкосновенности гениев обязательно приводят в пример анекдоты из жизни разных знаменитых людей. Очень любопытно, что большая часть подобных анекдотов связана с пьяными похождениями знаменитостей или какими-нибудь эксцентричными поступками, зачастую граничащими с обыкновенным хулиганством.

И вот мне вспоминается одна простенькая история, в которой, правда, нет гениев в общепринятом смысле, а все обыкновенные люди. Но как в капле воды отражается солнце и небо с облаками, так и в истории этой отразилась вся несостоятельность придуманной теории неприкосновенности и неподсудности отмеченных гениальностью людей.

В большом старинном селе Столбище жил один непревзойденный в наших краях умелец. Звали его Дмитрий Герасимыч Чаркин.

Это был человек лет шестидесяти, тощий, мослаковатый, с кирпичным обветренным лицом, в котором ничего не было замечательного, разве только синевато-красный бугристый нос да толстенные, оладьями, губы. Был он лыс, усы и бороду брил (отчего и губы так замечались), ходил в затрепанных, перепачканных олифой и красками солдатских штанах, в застиранной, неизвестного цвета рубахе или такой же майке и в рваных тапочках. Головного убора летом, кроме сложенного из газеты колпачка, Чаркин не признавал и в мальчишеском колпачке этом был, правду сказать, довольно-таки смешон.

Впрочем, он и без того был чудной какой-то, разболтанный: при ходьбе мотались его огромные, узловатые руки, да и ноги как-то шли, цепляясь друг за друга, вразброд. Он любил выпить и зашибал-таки крепенько, но с ног никогда не валился, а по походке трудно было угадать, пьян Чаркин или нет: он всегда ходил как пьяный.

Старуха его померла еще в войну, трое сыновей разлетелись кто куда: один служил летчиком, другой наездничал в городе на ипподроме, а третий, окончив медицинский институт, попал по распределению на Камчатку. Очень огорчало старика, что никто из них не пошел по отцовскому делу.

Овдовев, Чаркин не женился в другой раз и жил один в своем большом, крытом розовой черепицей доме. После смерти старухи дом стал приходить в запустение. На полах годами нарастала грязь, почернели стены, в сизые пыльные стекла с трудом пробивался свет. И Чар-

кин все собирался продать этот теперь совершенно не нужный ему дом, но почему-то ломил за него такую цену, что покупатель только крякал и, без толку проторговавшись битый час, плевал с досадой и уходил ни с чем.

Жил Чаркин одиноко, сам по себе. Сколько раз уговаривали его идти работать в совхоз, но так и не уговорили.

– Да на шута ж мне сдалась эта ваша должность? – презрительно оттопыривал толстую губу. – Пять кусков сулите? Так они мне без надобности, я их в неделю сшибу! Зато сам себе хозяин. А ить к вам только поступи, так вы ж заездите: и по часам приходи, и по звонку уходи… Не-ет, у меня к подобной жизни привычки ни грамма нету!

Летом в Столбище наезжала тьма дачников, и многие столбищенские жители выгодно сдавали им свои избы. Но Чаркин никого не пускал. «Ну их к богу, – говаривал, – не люблю я ихнего брата: бабы бесстыжие, чуть не телешом ходят, детишки галдят, струмент не спроша хватают… Да и что мне – ай нужда какая фартирантов пускать?»

Дом же его стоял на таком красивом месте, что от дачников отбою не было: река под крыльцом, огород одним боком в лес упирается, палисадник густо зарос вишенником и разноцветными мальвами, а среди этой благодати стоят, будто нарочно посаженные для гамака, два развесистых клена.

Но больше всего дачников прельщали лодки. Зеленые, голубые, синие – с десяток, а то и больше – стояли они на приколе у мостков возле дома, весело, пестро отражаясь в воде, удивляя всех красотой и изяществом формы. И все эти на редкость красивые лодки сделаны были самим Чаркиным и выставлялись им на продажу.

Лодки и в самом деле были хороши. Они славились на всю округу, их можно было встретить не только на тихой Юлдузке, на берегу которой жил Чаркин, но и много дальше – до самого Дона. Легкие, осадистые, с отличной проходимостью, они были сделаны с таким изумительным расчетом, с такой точностью и гармонией в соотношении кормы, корпуса и носа, что лодочники из окрестных сел, разглядывая их так и этак, только диву давались. Они норовили себе перенять секрет устройства чаркинского челнока: меряли, подсчитывали, огрызком карандаша вычерчивали на бумажке соотношения частей. И все было напрасно, никто не мог постигнуть тайну: по виду челнок получался такой же, не отличишь, но стоило сесть на корму – и задирался, высоко торчал из воды нос, при малейшем ветерке парусил корпус, и уже не было ни той легкости, ни той чудесной осадистости, когда лодка одинаково верно, без труда берет на себя и одного, и шестерых.

Сказали мы, что Чаркин выпить любил. Пользуясь этой слабостью, его поили, надеясь, что он во хмелю распустит язык, выдаст секрет. Что ж, он охотно шел на угощенье, пил до синевы, орал песни, напропалую врал, но стоило в разговоре коснуться дела – и он немел или плел такую дикую околесицу, что уши вяли.

Пьяный он был проказлив, драчлив и вороват. Так и глядел, с кем бы сцепиться. Прежде, бывало, он на своей старухе отыгрывался, порядочно-таки она от него колотушек приняла. Теперь же, когда дом опустел, неохота ему было после развеселой беседы возвращаться в темную, грязную избу, где из всей живности один сверчок надоедливо сверчит за печкой да жалобно жужжит муха в многолетней паутине.

И темной ночью шнырял Чаркин по затонам и старицам Юлдузки, опоражнивая чужие вентеря и переметы. И все с каким-то сердцем делал: обчистив, как попало расшвыривал вентеря, с переметов брал рыбу, срезая поводок.

Случалось, прихватывали Чаркина на таких делишках, стыдили; иной раз сгоряча, конечно, бивали, но легонько, так, лишь душу отвесть. Однако чтобы там покалечить или властям на него пожалиться, – этого не было. Чаркину все прощалось.

– Как можно? – рассуждали мужики. – Кабы еще кому, действительно, стоило бы всыпать, ну, а Гарасимыч – дело особое…

Так в Столбище проявлялась идея о неприкосновенности гения. И Чаркин отлично понимал это, и пользовался, и даже злоупотреблял.

Очень плохо, разумеется, когда человек, ослепленный чьим-то талантом, готов во имя этого таланта оправдать его любой неблаговидный поступок. Но еще хуже, еще отвратительней, когда сам талант склонен прощать себе всякие скверные шалости только потому, что он – талант, что у него «особенная» психика и поэтому ему все можно. В конце концов чудачества такого «таланта» обязательно превращаются в самое обыкновенное хамство.

Кто знает, может, Чаркин так и прожил бы всю жизнь, кичась своею, в районном масштабе, славою и разрешая себе всяческие проказы, да нечаянно вышло так, что стал он вдруг действительно прославлен на всю страну, и даже портрет его был напечатан в большой столичной газете.

Случилось это так.

Появился однажды в Столбище необыкновенный человек. Загоревший до черноты, похожий на одного из тех таитян, каких так хорошо изображал знаменитый французский художник Гоген, человек этот ходил в зеленых тренировочных штанах, в ослепительно голубых кедах, а на голове носил такой же газетный колпачок, как и сам Чаркин. Кроме того, на его голом волосатом животе вечно болтался фотоаппарат «Киев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.